

Грамматические особенности и проблема происхождения личных показателей в даргинском и лакском языках¹

1. Предварительные замечания

Категория глагольного лица (личного согласования) в нахско-дагестанских языках является не особенно распространенной и считается сравнительно молодой². В той или иной степени личное согласование представлено всего в семи языках, а именно: в бацбийском (Holisky 1987; Holisky, Gagua 1994; Kojima 2008), некоторых диалектах аварского (Махмудов 1940; Саидова 1980; Helmbrecht 1996; Исаков 1980), ахвахском (Магомедбекова 1967; Кибрик 2003 (1980); Creissels in print), лакском (Жирков 1955; Муркелинский 1971; Кибрик 2003 (1979); Казенин 1999), даргинском (см. раздел 3), табасаранском (Кибрик, Селезнев 1982), удинском (Harris 2002; Schulze 2001; Schulze 2004); правда, некоторые из этих языков демонстрируют существенное диалектное варьирование, в том числе в области личного согласования (прежде всего это относится к даргинскому и табасаранскому)³.

В то же время личное согласование в нахско-дагестанских языках на удивление разнообразно: сильно различаются как количество граммем категории лица и типы лично-числовых оппозиций, так и правила контроля личного согласования. Пожалуй, единственная черта, которая является общей почти для всех перечисленных языков (исключением является удинский), – то, что в большинстве случаев ненулевые грамматические показатели имеют только формы первого и/или второго лица. Впрочем, с типологической точки зрения это свойство категории лица вполне обычно.

В теории грамматикализации принято считать стандартным возникновение показателей личного согласования из личных местоимений (в третьем лице также из указательных), см., например, Givón 1976: 180; Lehmann 1988; 1995: 39–42; Siewierska 2004⁴. Однако в нахско-дагестанских языках личные показатели имеют по меньшей

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 07-04-00266а.

² Несмотря на новизну и слабое развитие категории личного согласования в данной группе – или именно благодаря этому – личному согласованию в нахско-дагестанской семье посвящено немало работ, большая часть которых, конечно, описывает материал одного языка, однако есть и работы более общего характера, прежде всего статья Helmbrecht 1996 (см. тж. Schulze 2004; Schulze 1998 (2007); Sumbatova in print).

³ В число языков с личным согласованием мы не включили арчинский, где во множественном числе различаются показатели классного согласования для первого–второго лица ~ третьего лица личного класса и третьего лица неличного класса (Кибрик 1977; Chumakina, Kibort, Corbett 2007). Мы считаем, что в данном случае представлена не самостоятельная категория лица, а особая граммема категории именного класса. Такое же противопоставление наблюдается и в даргинском, где имеется также отдельная категория лица, которая и рассматривается в нашей работе.

⁴ В обобщающей книге (Siewierska 2004: 246–281) приводится несколько альтернативных источников показателей лица (показатель перфектива, показатель комплетива, предлог, показатель числа, неопределенное местоимение), однако все эти источники предлагаются только для одного языка каждый, и все они развиваются исключительно в показатели третьего лица. К нахско-дагестанским языкам эти сведения не особенно применимы, поскольку для

мере три источника, один из которых известен достоверно (и соответствует типологическим ожиданиям), другой может быть назван предположительно, а третий остается загадкой. Кроме того, существуют достаточно заметные корреляции между синхронными грамматическими особенностями категории лица и гипотетическими источниками его возникновения, хотя в этом вопросе еще много неясного (подробнее см. Сумбатова в печ.). С этой точки зрения перечисленные языки можно разделить на три группы.

К первой группе отнесем языки, в которых к личным местоимениям восходят все согласовательные маркеры. Это табасаранский, бацбийский и удинский языки (в табасаранском и бацбийском сходство между личными местоимениями и согласовательными морфемами сохраняется на синхронном уровне; для удинского существует подробное исследование Harris 2002). Категория глагольного лица в этих языках имеет ряд общих свойств: все эти языки имеют развитую личную парадигму. В удинском противопоставляются три лица и два числа; в бацбийском и табасаранском парадигма семичленная: имеются формы инклюзива и эксклюзива. Во всех этих языках личное согласование следует аккузативной стратегии, контролером является A/S-аргумент⁵. Если посмотреть на эти три языка с точки зрения иерархии лиц, то легко заметить, что во всех действует иерархия 1, 2 > 3, и ни один из них не демонстрирует преимущества первого лица над вторым или наоборот⁶.

Вторая группа включает языки, в которых маркирована только форма первого лица (без различия чисел): это закательский и кусурский диалекты аварского (Махмудов 1940; Саидова 1980; Исаков 1980; Helmbrecht 1996); ахвахский язык⁷; в

единственного языка, последовательно маркирующего третье лицо – удинского – достаточно надежно доказано происхождение показателей лица из местоимений (Harris 2002). Еще один источник, упоминаемый у А. Северской, – так называемые эгофорические эвиденциальные формы, которые, очевидно, приводят к появлению оппозиций вида '1 лицо декларатив + 2 лицо вопроса' vs прочие комбинации (так называемые *conjunct/disjunct*-формы), см. сноску 5.

⁵ Поскольку все рассматриваемые в данной работе языки являются в основном эргативными, использование наименований синтаксических позиций (подлежащее, прямое дополнение и т. д.) для этих языков требовало бы синтаксического обоснования. Такое обоснование не входит в наши задачи, поэтому мы будем пользоваться принятыми, в частности, в работах А. Е. Кибрика «квазисинтаксическими» (ролевыми) обозначениями: A-аргумент – агент переходного глагола (и прочие именные группы, занимающие ту же синтаксическую позицию, даже если их семантическая роль отличается от роли собственно агенса); как правило, оформляется эргативным падежом; P-аргумент – пациент переходного глагола (с той же оговоркой) в абсолютном падеже; S-аргумент – центральный аргумент непереходного глагола (также в абсолютиве). Если символ S имеет нижний индекс A (S_A), то имеется в виду S-аргумент, обладающий агентивными свойствами.

⁶ Для табасаранского это утверждение верно лишь по отношению к синтаксическому, обязательному спряжению (в терминах А.Е. Кибрика, см. Кибрик, Селезнев 1982); для так называемого коммуникативного спряжения можно постулировать иерархию с преимуществом второго лица (подробнее см. Сумбатова 2008; Сумбатова в печ.); используются данные из работы Кибрик, Селезнев 1982.

⁷ В том варианте ахвахского, который зафиксирован Д.Кресселем в с. Ахвах-дере на севере Азербайджана (Creissels in print), оппозиция устроена несколько сложнее: форма, характерная для первого лица декларативных предложений и второго лица вопросительных предложений, противопоставляется всем прочим (эта специальная форма является маркированной). В ряде работ (Hale 1980; см. также Creissels 2008) такие системы описываются при помощи пары терминов *conjunct ~ disjunct* (*conjoint ~ disjoint*) – «соединенный, сгруппированный ~ разъединенный» (к сожалению, нам не удалось найти удачного русского перевода). Оппозиции такого типа, строго говоря, не являются личными: исследователи скорее склонны связывать их с выражением категории эвиденциальности/адмиративности (Creissels in print; Siewierska 2004: 260 – 261). Мы, однако, позволим себе рассмотреть оппозицию такого

какой-то степени к этой группе примыкает и лакский язык, точнее – часть его видо-временных форм⁸. Источником личного показателя в этих языках скорее всего является показатель причастия. Это до сих пор очевидно в аварских диалектах, сравнительно легко прослеживается в ахвахском (Creissels in print). Аналогичное предположение Г.Т. Бурчуладзе (1979) высказывал для показателя -w в лакском (см. ниже). Контролером личного согласования в языках этой группы является либо S/A-аргумент, либо агенс (A/S_A).

Последнюю, третью, группу составляют лакский и даргинский языки. В этих языках (генетически более близких друг другу, чем другим языкам нахско-дагестанской группы) происхождение самых распространенных показателей лица до сих пор остается загадкой, найти решение которой нам пока не удалось. Мы попытаемся, однако, высказать несколько вспомогательных предположений, которые, возможно, облегчат разгадку в дальнейшем.

2. Лицо в лакском языке

Лакскому языку посвящено довольно большое число работ (см., например, Жирков 1955; Муркелинский 1971; Казенин 1999; Schulze 2007), однако похоже, что нет ни одного полного описания личного согласования, по крайней мере для литературного языка, и это при том, что диалектные различия в лакском сравнительно невелики (особенно по сравнению с родственным ему даргинским).

В работе А.Е. Кибрика (2003 (1979)) мы находим описание личного согласования говора с. Хосрех Кулинского района Дагестана⁹. В основном мы будем пользоваться данными именно из этой работы; из нее также позаимствованы примеры 1 и 3–5 (сохранено также авторское глоссирование).

А. Е. Кибрик разделяет все синтетические видо-временные парадигмы лакского языка на три группы.

В первой группе времен используются маркеры –ra для первого и второго лица единственного числа, –tu для тех же лиц множественного числа и ø/–r для третьего лица в обоих числах.

ЛАКСКИЙ (с. Хосрех)

- (1) а. but:ra ø = i:zaj-ø
отец.I.NOM I-вставать.PRES-3
'Отец встает'.

типа в ряду личных, так как во многих отношениях она демонстрирует заметное сходство с категорией лица в тех языках, где маркированным является только первое лицо.

Помимо ахвахского с. Ахвах-дере, оппозиция типа conjunct/disjunct представлена в мегебском диалекте даргинского языка, однако в нем она, на наш взгляд, является вторичной, то есть возникает в результате разрушения категории лица другого типа, характерной для прочих даргинских диалектов. Источник показателя 1DECL/2INTERROG для мегебского, так же как и для других даргинских диалектов, неизвестен (см. разделы 3 и 4).

⁸ Имеются в виду видо-временные формы, которые по классификации А.Е. Кибрика попали во вторую и третью группу времен. В этих временах особым образом выделяется первое лицо агенса, которому в глаголе соответствует личный показатель –w (см. раздел 2 ниже).

⁹ К системе, описанной у А.Е. Кибрика, довольно близка система, которую можно восстановить на основании грамматики Л.И. Жиркова (1955) и неопубликованной грамматики В. Шульце (Schulze 2007); обе эти работы базируются на материале литературного языка.

- b. na / ina $\emptyset=i\Box za$ -**ra**
я / ты.I.NOM I- вставить.PRES-1/2
'Я встаю / Ты встаешь'.
- c. $\check{z}\Box u$ / zu b= $i\Box za$ -**ru**
мы / вы.I.NOM PL- вставить.PRES-1/2PL
'Мы встаем / Вы встаете'.

Эти показатели представляют собой клитики, которые отделяются от глагола в конструкциях с аргументным фокусом (Казенин 1997).

ЛАКСКИЙ¹⁰

- (2) a. rasul-lu-l na o=w=t-u-ssa-**ra**
Расул-OBL-ERG я ударить=M=PAST-PART-1SG
'Расул меня ударил'.
- b. rasul-lu-l-**la** na o=w=t-u-ssa
Расул-OBL-ERG-1SG I ударить=M=PAST-PART
'Это Расул меня ударил.' (пример из работы Казенин 1997: 34)

У непереходных глаголов согласование контролируется абсолютным аргументом, у переходных контролером может оказаться как абсолютив, так и эргатив агенса. В этом случае контроль согласования опирается на иерархию 1, 2 > 3: если один из ядерных аргументов первого или второго лица, а другой третьего, то контролером является локутор. Если ядерные аргументы равны в иерархии (один первого лица, другой второго или оба третьего лица), то контролером становится агенс. При этом для лакского преимущество агенса или пациенса можно выявить только в том случае, когда один из ядерных аргументов – единственного числа, а другой множественного, поскольку для первого и второго лица используется один и тот же показатель:

ЛАКСКИЙ (с. Хосрех)

- (3) a. na / ina but:a $\emptyset$ -at:a-**ra**
я/ты.ERG отец.I.NOM I-избить.PRES-1/2SG
'Я избиваю/ты избиваешь отца.'
- b. niti-l na / ina $\emptyset$ -at:a-**ra**
мать-ERG я/ты.I.NOM I-избить.PRES-1/2
'Мать избивает меня/тебя.'

¹⁰ В диссертации К.И. Казенина (1997), откуда мы взяли пример (2), не указано, к какому варианту лакского языка относятся приводимые данные. Видимо, это лакский литературный язык. Следовательно, пример (2) скорее всего относится не к тому варианту лакского языка, что другие примеры в данном разделе. К сожалению, мы не располагаем, с одной стороны, примерами на фокусное выделение для говора с. Хосрех, с другой стороны – последовательным описанием личного согласования для других разновидностей лакского языка.

c. na zu b-at:a-**ra**
 я.ERG вы PL-избить.PRES -1/2(SG)
 'Я избиваю вас.'

d. zu na ø-at:a-**ru**
 вы.ERG я.I.NOM I-избить.PRES -1/2PL
 'Вы избиваете меня.'

Надо еще вставить пример «вы избиваете меня», чтобы было понятнее.

Во второй группе времен используется особый показатель для А-аргумента (агенса переходного глагола) первого лица. Это суффикс -w (во множественном числе -rdu), в отличие от личных клитик, неотделимый от глагола. Кроме того, в этой группе времен имеются разные личные показатели для первого лица подлежащего непереходного глагола (S-актанта) – -ra/-ru (как в первой группе времен) и пациенса переходного глагола (P-актанта) – -da/-du.

Третья группа времен отличается от второй тем, что показатели первого лица для S-актанта и А-актанта совпадают (-da/-du).

Более наглядно все согласовательные показатели представлены в двух таблицах (обе – из Кибрик 2003 (1979): 467–468).

Таблица 1. Личные согласователи первой группы времен

Лицо и роль актанта	Ед. ч.	Мн. ч.
1/2-е лицо, S/A/P-актант	-ra	-ru
3-е лицо, S- или А- и Р-актанты	-ø/-r	

Таблица 2. Личные согласователи второй и третьей группы времен (Кибрик 2003 (1979): 468)

Лицо	Вторая группа времен (аорист)			Третья группа времен (будущие времена)		
	Р-актант	S-актант	А-актант	Р-актант	S-актант	А-актант
1-е лицо		-ra/-ru ¹¹	-w/-rdu		-da/-du	
2-е лицо	-da/-du			-ra/-ru		
3-е лицо	-di			-r		

Во второй и третьей группе времен преимущество при контроле личного согласования имеет А-аргумент первого лица: в случае его присутствия именно он является контролером. Если же такого аргумента в предложении нет, то лицо контролируется по эргативной модели: контролером является S/P-аргумент.

ЛАКСКИЙ (с. Хосрех)

(4) a. na ø=i:z(u)-**ra**
 я.I.NOM I-вставить.AOR-1
 'Я встал'.

¹¹ Через знак '/' приводятся показатели единственного и множественного числа.

b. **ina** **ø = i:zun-da**
ты.1.NOM I-вставить.AOR-2
'Ты встал'.

c. **g_oa** **ø = i:zun-di**
он.1.NOM I-вставить.AOR-3
'Он встал'.

(5) a. **na** **ina/g_oa** **ø-at:a-w**
я.ERG ты/он.1.NOM I-избить.AOR-1
'Я (жен.) тебя/его (муж.) избила' (контролер – аргумент первого лица).

б. **ina/g_oana-l** **but:a** **ø-awt:un-di**
ты.ERG/он-ERG отец.1.NOM I-избить.AOR-3
'Ты/он отца избил' (контролер – пациент).

Таким образом, в личных парадигмах времен второй и третьей группы особым образом выделяется А-аргумент первого лица. Во-первых, только в первом лице А-аргумент способен контролировать согласование. Во-вторых, именно в первом лице наблюдается наибольшее число личных показателей, выбираемых в зависимости от роли контролера (три во второй группе времен и два в третьей). В-третьих, для маркирования этого аргумента имеется особый показатель –w, не вписывающийся в парадигму личных клитик. Можно говорить о том, что во второй и третьей группах времен лакского языка действует иерархия 1А > S/P > проч.

Проследить происхождение лакских личных показателей до сих пор не удалось. В статье Н.С. Трубецкого 1929 года (Troubetzkoу 1929), которая до сих пор остается одной из ценнейших работ по рассматриваемой проблеме, личные показатели в нахско-дагестанских языках подразделяются на два класса – показатели, восходящие к местоимениям (в основном личным), и показатели неместоименного происхождения, источник которых остается неясным. Лакские личные клитики попали в число маркеров неместоименного происхождения; фактически это означает, что о их происхождении мы ничего не знаем. Г. Т. Бурчуладзе (1979) выдвинул гипотезу о том, что показатели -ra, -ru, -r восходят к вспомогательным глаголам, а маркер первого лица агенса -w возник в результате переразложения суффикса причастия с классным показателем на конце. Однако это предположение до сих пор остается гипотезой, хотя и вполне правдоподобной.

3. Лицо в даргинском языке

Даргинский – скорее не один язык, а конгломерат многочисленных диалектов или даже языков (числом не менее 15–20), весьма сильно отличающихся друг от друга. Существует традиция (Быховская 1940; Абдуллаев 1954; Хайдаков 1985 и др.) подразделять даргинские диалекты на две ветви – северную и южную (или, иначе, диалекты акушинского типа и диалекты цудахарского типа). В основе такого подразделения лежат фонетические отличия – в южных диалектах имеются геминированные согласные, в северных диалектах их нет. Кроме того, часто отмечается, что в двух ветвях расходятся местоимение первого лица единственного числа и личные показатели: в северных диалектах 'я' – **пи**, клитический показатель

первого лица и второго множественного – *-ra*, второго единственного – *-ri*; в южных диалектах соответственно *du*; *-da*; *-di*¹².

Сравнительно полные данные о личном спряжении имеются лишь для меньшей части даргинских диалектов; однако даже этих данных достаточно, что понять, что диалекты очень сильно отличаются друг от друга как по используемому варианту личной иерархии, так и по типу контроля. Особняком стоит мегебский диалект, который не менее восьмисот лет развивается по воздействию аварского и лакского языков, вследствие чего его свойства выходят далеко за пределы варьирования лингвистических параметров, задаваемые прочими диалектами, – как бы широки эти пределы ни были. Сведения, которые даются в этом разделе, не охватывают мегебский язык/диалект.

3.1. Морфология

В большинстве даргинских диалектов используется по крайней мере три набора личных окончаний: один из них состоит из клитик, два – из суффиксов.

В двух из этих наборов маркированная форма второго лица единственного числа противопоставляется другой маркированной форме, употребляемой для обоих чисел первого лица и множественного числа второго лица. Третье лицо, как правило, остается немаркированным¹³.

Набор, включающий клитики (в дальнейшем мы называем его *клитическим*), как правило, используется в большинстве самых употребительных финитных форм (презент, претерит, перфект, будущее и т.д.). Практически во всех диалектах он имеет следующий вид (показатели с согласной *r* характерны для северных диалектов; *-di/-de*, *-ri/-re* – также диалектные варианты):

Таблица 3. Личные клитики в даргинском языке

	SG	PL
1		-da, -ra
2	-di (-de), -ri (-re)	
3	(ноль/связка)	

Похоже устроен также набор личных суффиксов, используемых в формах оптатива и некоторых других, сходных по значению (в дальнейшем этот набор называется *оптативным*):

¹² Предварительные глоттохронологические подчеты показывают, что с генетической точки зрения бинарное членение даргинских диалектов вряд ли верно. В атласе (Коряков 2006) предлагается другая, более дробная классификация, в которой даргинские диалекты/языки делятся на шесть подгрупп: северная подгруппа (акушинский, урахинский, мугинский, цудахарский, гапшиминско-бутринский, мюрего-губденский, кадарский, муиринский); мегебский язык; юго-западная подгруппа (сирхинский, амухский, кункинский, санжи-ицаринский); чирагский язык; кайтагская подгруппа; кубачи-аштинская подгруппа.

Несмотря на все сказанное, в нашей работе мы будем придерживаться традиционного отношения к проблеме язык/диалект: по отношению к различным даргинским идиомам мы в основном будем использовать термин «диалект».

¹³ В парадигмах, использующих клитический набор, в третьем лице может использоваться связка *sa=b* или *sa=b*, которая совпадает с возвратным местоимением *и*, видимо, имеет общее с ним происхождение.

Таблица 4. Личные суффиксы в даргинском языке: «оптативный набор»

	SG	PL
1	-a	
2	-i	-a (-a-ja)
3	(ноль)	

Другой тип оппозиций выступает в наборе личных суффиксов, который используется в формах «настоящего общего» времени, в условном наклонении, иногда также в хабитуальных формах и в конъюнктиве (в дальнейшем этот набор называется *ирреальным*).

Таблица 5. Личные суффиксы – «ирреальный набор» (настоящее общее, условное наклонение, конъюнктив и др.)

	Южные диалекты		Северные диалекты	
	SG	PL	SG	PL
1	-d		-s	-he
2	-t:	-t:(-a), -t:(-a-ja)	-d	-d(-a), -d(-a-ja)
3	ноль		ноль	

В этой парадигме, как видно из таблицы 4, в южных диалектах первое лицо (показатель -d) противопоставляется второму (-t:), причем во втором лице может использоваться специальный маркер множественного числа (-a, -a-ja). В северных диалектах наблюдается более привычная нам оппозиция с числовым противопоставлением и в первом, и во втором лице.

3.2. Правила контроля и ранжирование лиц

Правила контроля личного согласования сильно расходятся по даргинским диалектам, но внутри каждого диалекта (по крайней мере в тех диалектах, для которых эта проблема исследовалась) используется только одно правило, которое не зависит ни от видо-временного значения глагола, ни от используемого набора личных окончаний, ни от коммуникативной структуры предложения, возглавляемого данной формой. Этим, в частности, личное согласование в даргинском отличается от лакского.

- «аккузативный» контроль с возможностью передачи контроля абсолютиву

В кубачинском диалекте (Магомедов 1976; Магомедов 1963: 274–275) в большинстве случаев контролером личного согласования является S/A аргумент – то есть контроль осуществляется в соответствии с номинативно-аккузативной стратегией (примеры ба-һ из Магомедов 1976):

- (6) a. dudil u gap w=i:q'-ul-**da**
 я.ERG ты.ABS похвала М-делать:IPF-PRES-1
 'Я хвалю тебя.' (глагол в форме 1 лица)
- b. udil id gap wi:q'-ul-**de** 'Ты хвалишь его.' (глагол в форме 2 лица)
- c. udil du gap wi:q'-ul-**de** 'Ты хвалишь меня.' (глагол в форме 2 лица)
- d. iddil du gap wi:q'-ul-saw 'Он хвалит меня.' (глагол в форме 3 лица)
- e. iddil u gap wi:q'-ul-saw 'Он хвалит тебя.' (глагол в форме 3 лица)
- f. iddil id witul-saw 'Он хвалит его.' (глагол в форме 3 лица)

Однако если эргативная ИГ при переходном глаголе – третьего лица, абсолютная ИГ может перехватить контроль личного согласования:

- g. iddil du gap wi:q'-ul-da 'Он хвалит меня.' (глагол в форме 1 лица)
- h. iddil u gap wi:q'-ul-**de** 'Он хвалит тебя.' (глагол в форме 2 лица)

Иначе говоря, в кубачинском диалекте правило контроля лица в некоторой степени опирается на личную иерархию 1, 2 > 3: если при переходном глаголе А-аргумент выше Р-аргумента в личной иерархии или равен ему, то контролером является А-аргумент. Если же А-аргумент ниже Р-аргумента, то контролером согласования может быть любой из ядерных аргументов.

В мегебском языке личное согласование контролируется S/A аргументом всегда (насколько это известно), однако, как уже было отмечено выше, мегебский язык исключен из рассмотрения в данном разделе.

- контроль с преимуществом локуторов и агенса: 1, 2 > 3, А > Р

В чирагском диалекте действует такое же правило контроля, как в первой группе времен лакского языка (см. раздел 2): преимущество имеют группы первого и второго лица (то есть действует иерархия 1, 2 > 3), а в случае равенства обоих потенциальных контролеров (один аргумент первого лица, другой – второго) контролером становится эргатив (агенс).

ЧИРАГСКИЙ ДИАЛЕКТ ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА (КИБРИК 2003 (1979): 483–485)

- (7) a. dicce ʒu r=iqqan-**da**
 я.ERG ты.ABS F-вести-1
 'Я тебя (жен.) веду'.
- b. ʒicce du r-iqqan-**de** 'Ты меня ведешь' (глагол в форме 2 лица).
- c. ʒicce it r-iqqan-**de** 'Ты ее ведешь' (глагол в форме 2 лица).
- d. dice it r-iqqan-**da** 'Я ее веду' (глагол в форме 1 лица).
- e. ite du r-iqqan-**da** 'Он меня ведет' (глагол в форме 1 лица).
- f. ite ʒu r-iqqan-**de** 'Он тебя ведет' (глагол в форме 2 лица).
- g. ite russe r-iqqle 'Он девочку ведет' (глагол в форме 3 лица).

- контроль с преимуществом локуторов и пациенса: $1, 2 > 3$ и $P > A$

Сходное правило действует в нескольких даргинских диалектах: отличие от предыдущего случая в том, что в случае равенства двух ядерных аргументов контролером согласования становится пациенс. Личная иерархия, действующая здесь, такая же, как в предыдущем случае: $1, 2 > 3$. Такое правило контроля зафиксировано в акушинском диалекте и основанном на нем литературном языке (Абдуллаев 1954; van den Berg 1999; 2001); в урахинском диалекте (Услар 1892); гапшима-бутринском (с. Танты; полевые данные); аштынском (с. Ашты, полевые данные).

ГАПШИМА-БУТРИНСКИЙ ДИАЛЕКТ ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА (с. Танты, полевые данные)

- (8) a. fu dali uc-ib-de
ты я:ERG ловить:PF-PRET-2SG
'Я поймал тебя'.
- b. fali du uc-ib-da
ты:ERG я ловить:PF-PRET-1
'Ты поймал меня'.
- c. dali hit uc-ib-da 'Я поймал его' (глагол в форме первого лица).
- d. fali hit uc-ib-de 'Ты поймал его' (глагол в форме второго лица).
- e. $\text{rasulli fu uc-ib-de}$ 'Расул поймал тебя' (глагол в форме второго лица).
- f. $\text{rasulli du uc-ib-da}$ 'Расул поймал меня' (глагол в форме первого лица).

- контроль по иерархии $2 > 1 > 3$

Еще одна группа даргинских диалектов – кайтагский (Магомедов 1976), ицаринский (Sumbatova and Mutalov 2003); кункинский и амухский (с. Кунки и Худуц, полевые данные) – имеет правило согласования, основанное исключительно на личной иерархии, и это иерархия с преимуществом второго лица: $2 > 1 > 3$.

ИЦАРИНСКИЙ ДИАЛЕКТ ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА

- (9) a. du-l u uc-ib-di
я-ERG ты (М)ловить:PF-PRET-2
'Я поймал тебя'.
- b. u-l du uc-ib-di
ты-ERG я (М)ловить:PF-PRET-2
'Ты поймал меня'.
- c. $\text{du-l vu^r b = uc-ib-da}$
я-ERG заяц N-ловить:PF-PRET-1
'Я поймал зайца'.

- d. murad-il ɯɹ b = uc-ib-ca-b
 Мурад-ERG заяц N-ловить:PF-PRET-COP-N
 'Мурад поймал зайца'.

Если исключить мегебский, то можно констатировать, что во всех даргинских диалектах правило контроля опирается на личную иерархию (иногда дополняемую вторичной ролевой иерархией), причем это либо иерархия 1, 2 > 3, либо – 2 > 1 > 3.

3.3. Нестандартные личные парадигмы

В некоторых диалектах встречаются парадигмы, использующие разные показатели для эргативного и абсолютного контролеров разного типа. Например, в акушинском диалекте и в даргинском литературном языке противопоставляются субъектные и объектные окончания в будущем времени (соответствующем настоящему общему других диалектов). В таблице 6 показаны личные окончания переходных глаголов будущего времени: в левом столбце указано лицо А-аргумента (эргатива), в верхней строке – лицо Р-аргумента (абсолютива); на пересечении соответствующего столбца и строки – тот показатель лица, который выбирается при данном сочетании лиц эргатива и абсолютива.

Таблица 6. Личные окончания будущего времени: литературный даргинский язык (Van den Berg 2001)

	1ABS	2ABS	3ABS
1ERG	-ra	-ri	-s
2ERG			-d
3ERG			

Как уже говорилось выше, в акушинском диалекте действует иерархия 1, 2 > 3 при преимуществе Р-аргумента над А-аргументом: если Р-аргумент первого или второго лица, то он и контролирует согласование, причем в качестве «объектных» выбираются окончания клитического набора -ra и -ri (Таблица 3). Если же Р-аргумент третьего лица, то право контроля получает эргатив, и в качестве «субъектных» выбираются окончания «ирреального» набора (Таблица 5). Видно, что в этой парадигме первое и второе лица не ранжированы между собой: они в равной степени представлены в парадигме и ни одно из них не имеет преимущества над другим при выборе контролера.

В сходной ситуации в урахинском диалекте преимущество имеет второе лицо: во втором лице субъектные и объектные окончания различаются, а в первом нет, см. Таблицу 7 (Таблица 7 организована так же, как Таблица 6).

Таблица 7. Личные окончания претерита: урахинский диалект (Услар 1892)

	1ABS	2ABS	2ABS
1ERG			-ra
2ERG	-ra	-ri	-d
3ERG			

3.4. Предварительные обобщения

Легко видеть, что в даргинском языке совмещаются две тенденции в ранжировании лиц: либо первое и второе лица не имеют преимуществ друг перед другом в личной иерархии ($1 = 2$), либо преимущество имеет второе лицо ($2 > 1$).

В частности, мы обратили внимание на следующие явления:

1. Устройство клитической и оптативной личной парадигмы во всех диалектах указывает на преимущество второго лица, так как только во втором лице наблюдается противопоставление по числу ($2 > 1$).
2. Система личных и числовых показателей, используемых, в частности, в хабитуальных и условных парадигмах (ирреальный набор личных показателей), указывает на преимущество второго лица в южных диалектах ($2 > 1$) и на равенство лиц в северных ($1 = 2$).
3. В некоторых диалектах имеются нестандартные личные парадигмы, совмещающие показатели из разных основных наборов. Во всех известных случаях здесь также наблюдается либо равенство лиц, либо преимущество второго лица (раздел 3.3).
4. В даргинских языках/диалектах зафиксировано по крайней мере пять разных правил контроля. Одно из правил (контроль по иерархии $2 > 1 > 3$), распространенное на юго-западе даргинского ареала, помещает второе лицо выше первого ($2 > 1$); в остальных случаях ранжирования лиц не происходит ($1 = 2$).

Таким образом, тенденция $2 > 1$ гораздо сильнее проявляется в южных диалектах, прежде всего кайтагском, а также в малочисленных диалектах долины реки Уллучай (селения Ицари, Кунки, Худуц); в то же время на севере даргинского ареала ситуация с ранжированием лиц сильно напоминает лакскую.

4. Проблема происхождения лакских и даргинских личных показателей

Проблема происхождения даргинских личных показателей, как и лакских, еще далека от решения. В уже упоминавшейся работе Н. С. Трубецкого (Troubetzkoу 1929) даргинские личные показатели распадаются на два класса: часть из них Н.С. Трубецкой относит к маркерам местоименного происхождения, а часть – к маркерам неместоименного происхождения.

К числу первых относятся даргинские суффиксы «ирреального» набора, представленные в Таблице 4. Эти показатели обнаруживаются и в словаре С.А. Николаева и С.А. Старостина (Nikolayev, Starostin 1994), где также возводятся к личным местоимениям. Очевидно, окончания хабитуальных времен, условного наклонения и т.п. возникли стандартным для лица путем, причем весьма давно: источник показателя первого лица -s (северные диалекты) и показателей второго лица -d (северные диалекты) и -t: (южные диалекты) обнаруживается на протосеверокавказском уровне: это соответственно личное местоимение *zo 'я' и косвенная основа местоимения 'ты' *dū. Более позднее происхождение

приписывается показателю первого лица южных диалектов -d, который возводится к протодаргинскому местоимению *du 'я', и показателю первого лица множественного числа северных диалектов -Nā (< протодарг. *x:a 'мы (инкл.)').

Происхождение личных маркеров опатива (Таблица 3), насколько нам известно, нигде не обсуждалось. Что касается личных клитик (Таблица 2), то по поводу их происхождения чаще всего высказывается одно предположение, на наш взгляд, маловероятное, а именно: предлагается возводить все личные клитики к местоимению 'я', которое, как и клитики, расходится по диалектам. Это предположение первым, по-видимому, высказал А.А. Магомедов в (Магомедов 1962); хотя впоследствии (1978) А.А. Магомедов высказал о происхождении личных клитик другое предположение (см. ниже), его более старая гипотеза до сих пор остается весьма влиятельной (см., например, Хайдаков 1985). Как правило, в тех диалектах, где представлены личные клитики -ra и -ri, местоимение 'я' выглядит как nu, а там, где клитики -da и -di, 'я' - du. Различиями в облике личного местоимения объясняется различие фонетического облика самих клитик.

К сожалению, эта гипотеза не кажется удовлетворительной ни в каком отношении. С семантической точки зрения странным кажется развитие клитик второго лица из местоимения 'я'. С другой стороны, n в местоимении и r в клитиках вряд ли могут иметь общий источник (по крайней мере, с точки зрения реконструкции в Nikolayev, Starostin 1994). Наконец, диалектные соответствия nu ~ -ra/-ri и du ~ -da/-di не так последовательны, как этого хотелось бы авторам гипотезы (например, в урахинском и губденском диалектах, принадлежащих к северной ветви, есть личные показатели как с согласным r, так и с d; Магомедов 1962).

Еще одна гипотеза о происхождении личных клитик возводит их к неустановленным глаголам или связкам. Эта гипотеза, высказанная А.А. Магомедовым в работе (Магомедов 1978), кажется более приемлемой. Аналогичная идея высказывается в работе Helmbrecht 1996 по отношению к лакскому.

В частности, аргументом в пользу «глагольной» гипотезы может быть позиция отрицательных префиксов в кубачинском и аштынском диалектах. В даргинском повсеместно используется отрицательный префикс, который выглядит как a-, ħa-, ħe- или ʔa- и занимает позицию перед комплексом «классный показатель + корень»¹⁴, например (амухский диалект, с. Худуц): b=elč'-un (аорист) 'прочитал', ʔa-b=elč'-un 'не прочитал', d=uč'-un (имперфект) 'читал', ʔa-d=uč'-un 'не читал' и т.д. Однако в кубачинском и близкородственном ему аштынском диалектах обнаруживаются случаи, когда этот показатель (в данном случае просто a-) модифицирует личную клитику:

АШТЫНСКИЙ ГОВОР (полевые данные)

- (10) j=at-ul-da / j=at-ul-a-da
F-оставлять:IPF-PRES-1 F-оставлять:IPF-PRES-NEG-1
'Я ее оставляю.' / 'Я ее не оставляю.'

¹⁴ Если классного показателя нет, то отрицательный префикс находится непосредственно перед корнем. В ряде диалектов отрицательный показатель может смещаться еще левее и стоять слева от некоторых превербов, однако он неизменно находится в префиксальной позиции, то есть левее глагольного корня.

(11) a. u insan **a**-de
ты человекNEG-2
'Ты не человек.'

b. id insan **a**-sa = w
этот человек NEG-COP-M
'Он не человек.'

Следовательно, можно предположить, что на более ранней стадии развития языка клитики действительно функционировали как самостоятельные словоформы и занимали при этом позицию предиката.

Однако предположение о глагольном происхождении личных клитик, сколь бы разумным оно ни казалось, пока не заслуживает даже статуса гипотезы, так как до сих пор ни для лакского, ни для даргинского не предложено ни одной идеи о том, что за глаголы могли быть источниками личных клитик и что с ними произошло. Вероятнее всего, это были вспомогательные глаголы или клитики, функционирование которых как-то коррелировало с присутствием локутора в предложении.

К сожалению, мы не можем внести ясность в этот вопрос, однако рискнем высказать некоторые дополнительные соображения.

Во-первых, на наш взгляд, можно предположить общий источник для даргинских и лакских личных клитик. Напомню, что лакская клитика первого/второго лица -*ra* совпадает с клитикой северных диалектов даргинского (как раз соседствующих с лакцами), имеющей несколько другое употребление (включая первое лицо множественного числа, но исключая второе лицо единственного числа), а в прочих даргинских диалектах ей соответствует клитика -*da*. Соответствие *d* и *r* с диахронической точки зрения вполне возможно (Nikolayev, Starostin 1994: 44). В реконструкции С.А. Николаева и С.А. Старостина восстанавливается переход прасеверокавказского **r* в *r* в лакском и в *d* в начале слова и в *r* в прочих позициях в даргинском. Если принять предлагаемую реконструкцию, то для даргинского это будет означать, что в одних диалектах (северных) клитика перестала быть самостоятельной словоформой и попала в конец фонетического слова еще до перехода **r* > *d*-, а в других – после. В результате в северных диалектах в составе клитики мы имеем начальный звук *r*, а в прочих – *d*. Рассмотренная выше ситуация в кубачинском/аштынском хорошо укладывается в рамки этого предположения: личная клитика здесь до сих пор присоединяет к себе отрицательный префикс, а значит, еще сравнительно недавно находилась в начале самостоятельной словоформы.

Во-вторых, можно высказать предположения по поводу возникновения в даргинском языке особого внимания ко второму лицу и, в частности, числовой оппозиции во втором лице.

Выделение второго лица связано либо с социальной ориентацией высказывания (вежливость, обращенная на собеседника), либо, что кажется нам более вероятным, с «перформативностью» высказываний, проще говоря, с влиянием императивов – побуждений, наиболее обычным адресатом которых является собеседник, а также близких к ним по иллокутивной силе оптативов.

Характерно, что хотя источник появления согласовательных клитик и суффиксов, употребляемых в формах оптатива (Таблицы 2 и 3), в даргинском языке неизвестен, эти два ряда показателей структурно параллельны. Более того, как уже упоминалось, в ряде видо-временных парадигм в даргинских диалектах встречается отдельный

показатель -а для множественного числа второго лица (и реже – -і для единственного), который сочетается с личными суффиксами «ирреального» набора. В результате мы имеем несколько рядов внешне параллельных форм второго лица, в которых формы единственного числа имеют огласовку і, а формы множественного числа – а:

Таблица 8. Параллелизм форм второго лица в ицаринском диалекте

(b = uc- 'поймать')	2SG	2PL	ПОКАЗАТЕЛЬ ЛИЦА
АОРИСТ	bucib-di	bucib-da	Личная клитика
ОПТАТИВ (CB)	bucab-i	bucab-a(-ja)	Суффикс оптативного набора
ХАБИТУАЛИС (прош.вр.)	burca-t:-i	burca-t:-a	Суффикс ирреального набора

Элементы і и а во всех трех строчках имеют на синхронном уровне разную морфологическую природу: в первой строке это не самостоятельные морфемы, а просто часть личной клитики; во второй – личные суффиксы; в третьей – показатели числа. Однако внешняя аналогия несомненно присутствует. Не исключено, что один из этих рядов форм как-то влиял на другие или все три подвергались влиянию некоторого общего фактора.

Еще одна возможная параллель, хотя на этот раз не такая точная, – параллель личных показателей и форм императива. В даргинском имеется только императив второго лица с противопоставлением единственного и множественного числа адресата. В единственном числе показателей больше одного¹⁵, однако большинство непереходных глаголов имеют окончание і (или е), так что значительная часть форм императива внешне параллельна формам, приведенным выше:

Таблица 9. Параллелизм форм императива и оптатива в ицаринском и бутринском диалекте

	ИЦАРИНСКИЙ (= ix:- 'спать')		БУТРИНСКИЙ (= urc- 'ловить')	
	2SG	2PL	2SG	2PL
Императив	w = iʃ:-i	d = iʃ:-aja	urc-e	urc-a(-ja)
Оптатив	w = ix:-ab-i	d = ix:-ab-aja	urc-ab-e	urc-ab-a(-ja)

Во множественном числе императива присутствует суффикс -ja, который в большинстве случаев интерпретируется как показатель множественного числа второго лица. Этот показатель идентифицируется во многих диалектах, причем различается как его фонетический облик (-ja, иногда -j, иногда удлинение предшествующей гласной а), так и дистрибуция. Везде, насколько это известно, данный показатель используется в формах императива и оптатива (в последнем случае может оказаться факультативным), но в ряде диалектов имеет более широкую сочетаемость (например, в цудахарском, акушинском, урахинском и губденском он присутствует также в формах презенса).

Однако для наших исторических предположений, возможно, более значимы факты обнаруженные в диалекте с. Танты (гапшима-бутринский диалект). Знакомый показатель -ja обнаруживается здесь в несколько иной функции и, вероятно, в более

¹⁵ Распределение показателей различается по диалектам.

архаичном состоянии. Как и в других диалектах, -ja в тантинском появляется чаще всего в императивных, прохибитивных и оптативных высказываниях.

БУТРИНСКИЙ ДИАЛЕКТ, С. ТАНТЫ (полевые данные)

- (12) d = uč-iž ka-d = ig-are, nuq-be ic-a-**ja**
1/2PL-есть:PF-INF PV-1/2PL-садиться:PF-прежде рука-PL мыть:IPF-IMP.PL-PL.ADR
'Прежде чем сядете за стол, вымойте руки!'

- (13) čet:i-ma-d = irk-u-t:-a-**ja**!
PV-PRON-1/2PL-выиграть-TH-2-PRON-PL.ADR
'Не выигрывайте!'

- (14) ʔux:a arale d = at-ab-a-**ja**!
вы здоровый 1/2PL-оставлять:PF-OPT-2PL-PL.ADR
'Будьте здоровы!'

Однако легко заметить, что в рассматриваемом диалекте -ja является не суффиксом, а клиткой и маркирует не множественность форм второго лица, а множественность адресата – независимо от того, является ли адресат одним из аргументов основного предиката данного высказывания:

- (15) du učitel-da-**ja**
я учитель-1-PL.ADR
'Я учитель' (при обращении к нескольким собеседникам).

- (16) čaj čiž d = ik:-ul-da-**ja**?
чай кто:DAT 1/2PL-хотеть-PRES-2PL-PL.ADR
'Кто хочет чаю?' (при обращении к нескольким собеседникам)

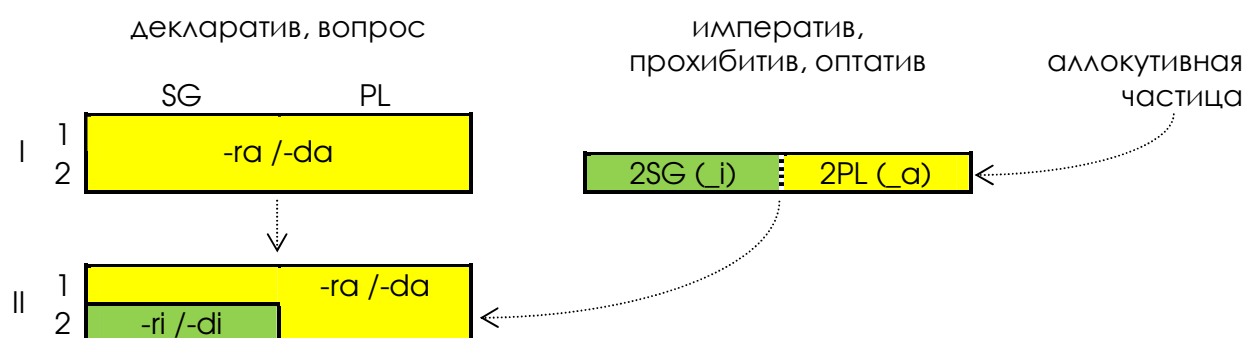
- (17) mašina či-la le = b-a? / le = b-a-**ja**?
машинакто-GEN существовать-N-Q / существовать-N-Q-PL.ADR
'У кого есть машина?' (к одному собеседнику/к нескольким собеседникам)

Такие показатели – маркирующие грамматические признаки адресата речевого акта – представлены, в частности, в баскском языке; в баскологии их принято называть аллокутивными (Адаскина, Гусев 2008). На наш взгляд, клитика с подобными функциями является наиболее вероятным источником числового противопоставления во втором лице. Такая клитика практически обязательна в императивных и прохибитивных формах, а также весьма частотна в оптативах, – иначе говоря, в норме эта клитика встречается в формах, где предикат стоит во втором лице. В процессе грамматикализации она превращается в показатель множественности второго лица. Именно в этой функции мы застаем ее в большинстве современных диалектов (и на более архаичной ступени развития – в диалекте с. Танты). В большинстве диалектов и сейчас сфера функционирования аллокутивной частицы ограничивается формами, присоединяющими личные окончания оптативного ряда, однако в ряде диалектов можно наблюдать ее экспансию и присоединение к формам с другими типами личных показателей, в том числе клитик. Например, в литературном языке (базирующемся на акушинском диалекте) показатель -ja используется в парадигме будущего времени (смешанной, включающей клитики и суффиксы ирреального

набора), и – факультативно – видимо, во всех видо-временных парадигмах, присоединяющих личные клитики (Van den Berg 2001).

По-видимому, противопоставление по числу во втором лице возникло аналогичным образом. Числовая оппозиция во втором лице возникла в результате грамматикализации аллокутивной клитики и распространилась по аналогии на все формы с оптативными окончаниями, а затем и с клитиками, создав тем самым необычную и типологически редкую личную парадигму даргинского типа (Cysouw 2003: 129). Таблица, в которой в первом и втором лице присутствовал один и тот же показатель, превращается в таблицу с особой клеткой для второго лица единственного числа, как показано в Таблице 9. Однако откуда взялись общие показатели первого/второго лица, нам по-прежнему неясно.

Таблица 10. Появление личной оппозиции в даргинском языке

Сокращения

1, 2, 3 – показатели лица; ABS – абсолютив; AOR – аорист; COP – связка; DAT – датив; DECL – декларатив; ERG – эргатив; F – женский согласовательный класс; INTERROG – интеррогатив; IPF – несовершенный вид; M – мужской согласовательный класс; N – неличный согласовательный класс; NEG – отрицание; OBL – косвенная основа; OPT – оптатив; PART – причастие; PAST – прошедшее время; PF – совершенный вид; PL – множественное число; PL.ADR – показатель множественности адресата; PRES – презенс; PRET – претерит; PRON – прохибитив; PV – преверб; Q – вопросительная частица; SG – единственное число; TH – тематический элемент; знаком '=' отделяется показатель класса.

В примерах 1, 3, 4, и 5 сохраняются сокращения, использованные в работе (Кибрик 2003): ном – номинатив (абсолютив); римскими цифрами обозначены номера именных классов.

Литература

- Абдуллаев С. Н. 1954. *Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология)*. Махачкала.
- Адашкина Ю. В., Гусев В. Ю. 2008. Согласование глагола с неаргументом: аллокутив. В кн.: *Грамматические категории в дискурсе. (Исследования по теории грамматики. 4)*. Под ред В.Ю. Гусева, В.А. Плунгяна, А.Ю. Урманчиевой. М.: Гнозис. С. 467 – 483.
- Бурчуладзе Г. Т. 1979. Вопросы становления личного спряжения в лакском языке. *Ежегодник иберийско-кавказского языкознания*. Т. VIII. С. 176 – 246.

- Быховская С.А. 1940. Пережитки *inclusiv*-а и *exclusiv*-а в даргинских диалектах. В кн.: *Язык и мышление*. М.-Л.
- Жирков Л. И. 1955. *Лакский язык. Фонетика и морфология*. М.: Изд-во АН СССР.
- Исаков И. А. 1980. Элемент классно-личного спряжения в кусурском диалекте аварского языка. В кн.: *Глагол в языках Дагестана*. Махачкала: ДагНИИЯЛИ. С. 1–19.
- Казенин К. И. 1997. *Синтаксические ограничения и пути их объяснения*. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ.
- Казенин К. И. 1999. Личное согласование в лакском языке: маркированность и нейтрализация. В кн.: Я. Г. Тестелец и Е. В. Рахилина (ред.), *Типология и теория языка: от описания к объяснению*. М.: Языки русской культуры. С. 383–399.
- Кибрик А. Е. 1977. Опыт структурного описания арчинского языка. М.: МГУ.
- Кибрик А. Е. 2003. Материалы к типологии эргативности. Лакский язык. В кн.: Кибрик А. Е. *Константы и переменные языка*. СПб: Алетейя. С. 464–481 (впервые опубликовано в изд.: *Материалы к типологии эргативности. Предварительные публикации Института русского языка АН СССР*. Вып. 27. М., 1979).
- Кибрик А. Е. 2003. Материалы к типологии эргативности. Даргинский язык (чирагский диалект). В кн.: Кибрик А. Е. *Константы и переменные языка*. СПб: Алетейя. С. 482–504 (впервые опубликовано в изд.: *Материалы к типологии эргативности. Предварительные публикации Института русского языка АН СССР*. Вып. 27. М., 1979).
- Кибрик А. Е. 2003. Материалы к типологии эргативности. Ахвахский язык. В кн.: Кибрик А. Е. *Константы и переменные языка*. СПб: Алетейя. С. 669–678 (впервые опубликовано в изд.: *Материалы к типологии эргативности. Предварительные публикации Института русского языка АН СССР*. Вып. 27. М., 1980).
- Кибрик А. Е., Селезнев М. Г. 1982. Синтаксис и морфология глагольного согласования в табасаранском языке. В кн.: *Табасаранские этюды* (под ред. А. Е. Кибрика). М.: МГУ, С. 17–33.
- Козинский И. Ш. 1980. Некоторые универсальные особенности систем склонения личных местоимений. В кн.: И.Ф. Вардуль (ред.), *Теория и типология местоимений*. М.: Наука. С. 50 – 63.
- Коряков Ю. Б. 2006. *Атлас кавказских языков*. М.: Пилигрим.
- Магомедбекова З. М. 1967. *Ахвахский язык: Грамматический анализ, тексты, словарь*. Тбилиси.
- Магомедов А. А. 1962. Личное спряжение в даргинском языке сравнительно со спряжением в табасаранском и лакском языках. *Иберийско-кавказское языкознание XIII*: 313–342.
- Магомедов А. А. 1963. *Кубачинский язык*. Тбилиси: АН Грузинской ССР.
- Магомедов А. А. 1976. Субъектно-объектное согласование глагола в лакском и даргинском языках. *Ежегодник иберийско-кавказского языкознания III*. С. 203–218.
- Магомедов А. А. 1978. Вспомогательные глаголы САБИ «есть» и ЛЕБ «имеется, находится» в даргинском языке. *Ежегодник иберийско-кавказского языкознания V*. С. 224–283.
- Махмудов А. Р. 1940. *Закатальский диалект аварского языка*. Дисс. ... канд. филол. наук.
- Муркелинский Г. Б. 1971. *Грамматика лакского языка*. Махачкала.
- Саидова П. А. 1980. К спряжению глагола в закатальском диалекте аварского языка. В кн.: *Глагол в языках Дагестана*. Махачкала, ДагНИИЯЛИ. С. 4–11.
- Сумбатова Н. Р. В печати. Лицо и личные иерархии в нахско-дагестанских языках. // Сборник, посвященный 80-летию В. П. Недялкова.

- Сумбатова Н. Р. 2008. Личное согласование и личные иерархии в нахско-дагестанских языках. // Казанский Н.Н. (ред.) *Исследования по типологии и грамматике. Материалы Пятой Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей (6–8 ноября 2008 г.)*. Acta linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. Т. 4, Ч. 2. Спб.: Наука.
- Услар П. К. 1892. *Этнография Кавказа. Языкознание. V. Хюркилинский язык*. Тифлис: Управление Кавказского учебного округа.
- Хайдаков С. М. 1985. Даргинский и мегребский языки. М.: Наука.
- Van den Berg, Helma. 1999. Gender and person agreement in Aqusha Dargi. *Folia linguistica* XXXIII/1: 153–168.
- Van den Berg, Helma. 2001. *Dargi Folktales. Oral Stories from the Caucasus and an Introduction to Dargi Grammar*. Leiden: CNWS.
- Chumakina, Marina, Anna Kibort and Greville G. Corbett. 2007. Determining a language's feature inventory: person in Archi. In: Peter K. Austin and Andrew Simpson (eds), *Endangered Languages (special issue of Linguistische Berichte, number 14)*. Hamburg: Helmut Buske, 143–172.
- Creissels, Denis. In print. Person variations in Akhvakh verb morphology: functional motivation and emergence from an uncommon pattern. To be published in *STUF* 2008 (4): 309–325.
- Creissels, Denis. 2008. Remarks on so-called "conjunct-disjunct" systems. Paper presented at "Syntax of the World's Languages", Berlin, 25–28 September 2008.
- Cysouw, Michael. 2003. *The Paradigmatic Structure of Person Marking*. Oxford/N.Y.: Oxford University Press.
- Givón, Talmy. 1976. Topic, pronoun, and grammatical agreement. In: Charles Li (ed), *Subject and Topic*. New York: Academic Press. 149–188.
- Hale, A. 1980. Person markers: finite conjunct and disjunct forms in Newari. In: Trail R. (ed.), *Papers in Southeast Asian Linguistics 7*. Canberra: Pacific Linguistics, 95–106.
- Harris, Alice. 2002. *Endoclititics and the Origins of Udi Morphosyntax*. Oxford: Oxford University Press.
- Helmbrecht, Johannes. 1996. The syntax of personal agreement in East Caucasian languages. *Sprachtypologie und Universalienforschung* 49: 127–148.
- Holisky, D. A. 1987. The case of the intransitive subject in Tsova-Tush (Batsbi). In: R.M.W. Dixon (ed.), *Studies in ergativity*. Amsterdam: North Holland, 103 – 132.
- Holisky, D. A., and Rusudan Gagua. 1994. Tsova-Tush (Batsbi). In: Rieks Smeets (ed.), *The Indigenous languages of the Caucasus, vol. 4: the North-East Caucasian languages, part 2*, pp. 147 – 212. Delmar/New York: Caravan Books.
- Kojima, Yasuhiro. 2008. Person agreement and cliticization of personal pronouns in Batsbi. Paper presented at: *Morphological Variation and Change in Languages of the Caucasus. Workshop at the 13th International Morphology Meeting, February 2008, Vienna, Austria* (тезисы доклада доступны по адресу <http://www.let.uu.nl/~nino.amiridze/personal/papers/MVCLC/Kojima.pdf>).
- Lehmann, Christian. 1988. On the function of agreement. In: M. Barlow and Ch. A. Ferguson (eds.), *Agreement in Natural Languages. Approaches, Theories, Descriptions*. Stanford: CSLI. 55–65.
- Lehmann, Christian. 1995. *Thoughts on Grammaticalization*. (Lincom Studies in Theoretical Linguistics, 1). Unterschleissheim: Lincom Europa.
- Nikolayev, S. L. and Starostin, S. A. 1994. *A North Caucasian Etymological Dictionary*. Moscow: Asterisk.
- Schulze, Wolfgang. 2007. *The Lak language*. Ms. (доступно в интернете по адресу <http://www.lrz-muenchen.de/~wschulze/Lak.htm>).

- Schulze, Wolfgang. 2004. Review of Alice C. Harris. 'Endoclititics and the Origins of Udi Morphosyntax'. *Studies in Language* 28: 419 – 441.
- Schulze, Wolfgang. 2001. *An Online Grammar of Udi* (доступно по адресу http://wolfgangschulze.indevir.com/index.php?option=com_content&task=view&id=21&Itemid=48).
- Schulze, Wolfgang. *Personalflexion in den Ostkaukasischen Sprachen*. 1998 (2007). Ms. (доступно в интернете по адресу <http://www.lrz-muenchen.de/~wschulze/agroks.pdf>).
- Siewierska, Anna. 2004. *Person*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sumbatova, N. R. In print. *Person hierarchies and the problem of person marker origin in Dargwa: facts and diachronic problems*.
- Sumbatova, N. R., and R. O. Mutalov. 2003. *A Grammar of Icari Dargwa*. (Languages of the Worlds/Materials 92.) München: LINCOM Europa.
- Troubetzkoy, N. S. 1929. Notes sur les désinences du verbe dans les langues tchéchénolesghiennes (caucasiques-orientales). *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*, t. 29 fasc.3 (No.88): 153–171.